

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
**ПИТЕРА
ДЖЕЙМСА**

Кровная месть

Провидица

Одержимость

Алхимик

Пророчество

За сумеречным порогом

Прыжок над пропастью

Искушение

Призраки прошлого

Роковой выбор

ПИТЕР
ДЖЕЙМС
**ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО**

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 40

Peter James
SWEET HEART
Copyright © The Peter James Partnership 1990
First published in 1990 by Orion, London
All rights reserved

Перевод с английского Б. Дмитриева

Оформление обложки И. Кучмы, В. Манацковой

Ранее роман издавался под названием «Возлюбленная».

ISBN 978-5-389-17364-4

© Перевод. ООО «Издательство
Центрполиграф», 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2019
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Тиму и Рене-Жану

— Прошу я, сердце мое, ответь,
Быть может, ты знаешь пристава дочь,
Что в Ислингтоне живет?
— О сэр, давно забрала ее смерть,
Которой никто не ждет.

Старинная баллада

У проржавевших ворот собака остановилась, а потом неожиданно юркнула под них.

— Перегрин! — позвала хозяйка. — Перегрин! Немедленно вернись!

В эти ворота никто никогда не входил, если не считать нескольких коммивояжеров, да и те потом признавались, что, когда они там оказывались, их мороз по коже подирал. Даже Перегрин, очень любопытный и пронырливый пес, который вечно совал свой нос куда не следует, ни разу не забегал туда раньше.

— Ну же, хороший песик! Вернись к мамочке!

Но голос женщины терялся в шуме запруды, что находилась ниже.

— А ну иди сюда! — снова позвала хозяйка. — Перегрин!

Почти всегда она выгуливала собаку по этой дорожке, переходила через железный пешеходный мостик и шла дальше, вон в тот лесок, каждый раз невольно ускоряя шаг около старинной усадьбы. Она старалась даже не глядеть лишний раз на заброшенную мельницу, на сад внизу и на дом, где обитала загадочная старуха-затворница.

Женщина распахнула высокие ворота и всмотрелась в подъездную дорожку. Ее йоркширский терьер

как раз взбегал по ступенькам крыльца. Он не остановился на пороге, просунул любопытную мордочку в приоткрытую парадную дверь и исчез.

— Перегрин! — в испуге завопила хозяйка. — Назад! Перегрин! — И бросилась за ним по дорожке.

Рев воды в запруде делал безмолвие дома еще более устрашающим, а гравий, хрустевший под ногами, наводил на мысль, что его насыпали намеренно, чтобы невозможно было приблизиться к особняку бесшумно. Женщина остановилась у ступенек, истекая потом: летнее утро выдалось жарким. Отсюда дом, возвышавшийся на насыпи, казался еще больше.

— Перегрин! — Теперь ее голос звучал более спокойно. — Ну где же ты?

Слыша равномерное настойчивое тьяканье терьера внутри дома, она ощущала, как чьи-то глаза наблюдают за ней из темного окна — глаза старухи с уродливым обожженным лицом.

Поднявшись по ступенькам, женщина остановилась, чтобы перевести дыхание. Собака продолжала тьякать.

— Перегрин! — продолжала звать хозяйка, всматриваясь через приоткрытые дубовые двери в мрачный коридор.

У порога она заметила молоко, целых пять бутылок, а еще картонную коробку с яйцами. За дверью на полу были разбросаны газеты и письма. Дом казался спокойным. Она нажала на звонок, но ничего не услышала, попыталась еще раз, однако звонок молчал. Тогда женщина постучала медным ободком потускневшего дверного кольца — сначала осторожно, потом сильнее. Глухой стук эхом отозвался внутри, а лай собаки становился все настойчивее.

С усилием она толкнула дверь, пытаясь отворить ее пошире, и вошла в дом. На дубовом полу возвышалась покрытая пылью гора писем и газет.

В небольшой темной прихожей с низким потолком и каменными стенами неприятно пахло. Справа от лестницы, ведущей наверх, находился коридор с дверями по обе стороны. На украшенном витиеватой резьбой столике стоял зловещего вида бюст с крыльшками. Из запыленного зеркала на стене на женщину смотрело ее мутное отражение. В конце коридора в темноте залаяла собака.

— Эй! — крикнула незваная гостя, подняв голову. — Есть здесь кто-нибудь?

Оглядевшись в надежде обнаружить проявление хоть какой-нибудь жизни, она увидела множество фотографий в рамке, на которых была запечатлена элегантная дама. Правда, лицо на всех снимках было старательно выжжено, вокруг обугленных дыр виднелись лишь пышные волосы, изящно подвитые по моде сороковых-пятидесятых годов. Стены гостиной были увешаны этими фотографиями, и все — без лиц! Женщина ужаснулась, — похоже, старуха была еще более чокнутой, чем все думали.

Пес скребся у двери в конце коридора.

— Да иди же сюда, черт тебя побери, — тихо позвала она.

Терьер жалобно заскулил. Подойдя к собаке, женщина яростно вцепилась в ошейник и вдруг почувствовала, что на плечо ее упала какая-то тень. Она стремительно обернулась, но это оказалась всего лишь тень от входной двери, колеблемой ветром. Она поморщилась от отвратительного запаха, который чувствовался здесь еще сильнее. Собака снова заскулила и задерга-

лась, словно пытаясь что-то сообщить хозяйке. Женщине хотелось поскорее уйти, выбраться отсюда, но настойчивость Перегринна ее встревожила. Отпустив пса, она постучала в дверь костяшками пальцев. Терьер залился лаем.

Женщина повернула ручку, отворяя дверь, и собака стрелой влетела внутрь. Невероятное зловоние, смесь прокисшего молока, несмытого унитаза и сильно протухшего мяса, ударило в лицо.

— Тьфу ты, гадость какая!

Женщина зажала пальцами нос и вошла внутрь, откуда доносилось жужжание мух, которых здесь была целая туча. А затем она услышала и другой шум — нечто вроде слабого шуршания дорогого шелка. Судя по всему, она оказалась на кухне. Старенький стеллаж для сушки посуды, на столе пепельница, набитая перепачканными губной помадой окурками, а рядом открытая банка тушенки, содержимое которой уже начало плесневеть. Дверца холодильника приоткрыта.

«Вот откуда этот ужасный запах», — подумала женщина с облегчением.

И тут она увидела ноги старухи.

Та лежала ничком на пороге, в дверном проеме, ведущем, надо полагать, в котельную, и сначала хозяйке Перегринна показалось, что старуха дышит. Вроде как у нее слегка шевелились ноги и рот, а также она моргала левым глазом — единственным, который был виден гостю. Шевелились также и руки. А шея так прямо колыхалась, словно пшеничное поле на ветру.

Женщина взгляделась как следует и испуганно отшатнулась. Ужас, накрепко сковавший ее горло, оставил рвотные позывы. Собака, непрерывно лая, стоя-

ла перед трупом. А хозяйка ее стремглав выскочила из дома.

Ну и мерзость! Она чувствовала их на собственной плоти, ощущала, как они колышутся, вгрызаясь в плоть, и мысленно смахивала их со своих бедер, со своих запястий — миллионы воображаемых извивающихся личинок, падающих на гравий. Женщина торопилась домой, к телефону, жадно глотая свежий воздух; она неслась во весь опор, потому что ей казалось, будто старуха ковыляет за ней следом, а личинки корчатся, падая из ее уже пустых глазниц, с ее щек и рук, подобно белому дождю... Бедняжке слышался визгливый голос старухи: «Оставь меня в покое! Не мешай им! Дай им поесть! Это всего лишь мое тело, мое отвратительное, покрытое шрамами тело! Моя тюрьма! А они освобождают меня! Ты что же, дура этакая, не видишь, что они освобождают меня?!»

В тот день Чарли уронила велосипед, и теперь педаль задевала о кожух цепи с раздражающим «кляц-кляц-кляц», пока она, опустив голову, крутила колеса в насквозь промокшей одежде. Мелкий июньский дождичек оранжевой дымкой повис над улицей, освещенной натриевыми фонарями. Мимо нее струился поток машин; какой-то грузовичок проехал слишком близко, оттолкнув ее брызгами грязи из-под колес, словно невидимой рукой, к самому краю тротуара. Чарли вильнула в сторону.

Сквозь дождь пробились глухие звуки музыки: речное судно, украшенное флажками и освещенное, как рождественская елка, пробороzdило чернильные воды Темзы и скрылось из виду.

По боковой дорожке она поднялась на тихую Тонсли-стрит и свернула налево, на улочку с террасами в викторианском стиле. Потом проехала мимо безмолвных припаркованных автомобилей, щеголеватых «БМВ» и парочки «порше». Когда пятнадцать лет назад они с Томом переехали сюда, это был весьма захудалый райончик, населенный в основном пенсионерами. Однако в ту пору они ничего лучше просто не

могли себе позволить. Ну а теперь это модный район Лондона, с очищенными пескоструйными аппаратами фасадами домов, изящными парадными дверями и блюдцами спутниковых телеантенн, пришипленных к крышам наподобие значков какого-нибудь недоступного простым смертным элитного клуба.

Чарли слезла с велосипеда и, увидев чуть подальше припаркованную машину Тома, разволновалась. Она до сих пор спешила к мужу каждый вечер, ждала встречи столь же нетерпеливо, как и двадцать лет назад, когда ей было всего шестнадцать и они только что познакомились... А порой Чарли казалось, что ее чувства за это время стали еще сильнее. В особенности после размолвок, происходивших все чаще и чаще, так что она даже начала опасаться, что однажды, придя домой, обнаружит вместо Тома лишь записку от него.

Из-за дождя темная мостовая казалась глянцевой. Отперев входную дверь, Чарли закатила велосипед внутрь и прислонила его к обшитой дубовыми панелями стене прихожей.

Бен, золотистый ретривер, вышел навстречу хозяйке, держа в зубах голову резиновой куклы, изображавшей Нила Киннока¹.

— Привет, малыш! — сказала Чарли и, опустившись на колени, потрепала пса. — Рада тебя видеть! Эй, только не надо на меня прыгать! — Она закрыла за собой дверь и громко крикнула мужу: — Я дома! Добрый вечер!

— Добрый! — отозвался Том со второго этажа.

¹ *Нил Киннок* — британский политик, ставший персонажем мультипликационного клипа. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Чарли стряхнула воду с волос, стащила накидку, швырнула ее на перила и мельком взглянула в зеркало:

— Ну и видок у меня!

Ее волосы спутались и торчали во все стороны, да еще вдобавок с правой щеки стекала тушь. С решительным выражением воина из племени апачей Чарли потерла щеки, а потом пальцами расчесала и пригладдила волосы.

— Вроде бы стало капельку получше, да? — сказала она собаке.

Струйка дождевой воды сбежала с волос и просочилась под пуловер, пока Чарли поднималась на второй этаж и шла по коридору в каморку Тома. Следом топал Бен. В темной и уютной комнатке, освещенной настольной лампой, муж, склонившись над столом, изучал пачку документов, соединенных хомутиком розовой резинки. Поверх полосатой рубашки на нем был синий пуловер с треугольным вырезом. Возле правой руки стоял бокал джин-тоника. Том поднял голову:

— Привет.

У Тома был открытый, спокойный характер, он редко выплескивал на других свое мрачное настроение. И все же случалось, он пугал Чарли внезапными вспышками ярости или отчуждением, длившимся иногда целые дни. Вот и сейчас...

— До сих пор работаешь? — спросила она, подходя и целуя мужа в щеку.

— Кто-то ведь должен зарабатывать деньги.

— Ну вот! — возмутилась она. — Ты же сам настоял, чтобы я ушла со службы, а теперь меня этим попрекаешь.

Том снова уткнулся в документы. Она смотрела на него и постепенно успокаивалась.

— Играл сегодня в теннис?

— Нет, у моей клиентки возникли проблемы: ее бывший муж после развода самовольно забрал детей, так что придется решать вопрос через суд. А как прошел день у тебя?

— Нормально. Ходила на сеанс иглоукалывания, помогала Лоре в магазине, а потом смотрели с ней «Ширли Валентайна».

— Мы ведь уже видели этот фильм.

— Лора не видела. Мне никто не звонил?

Он зевнул.

— Нет. Как прошло иглоукалывание?

— Как всегда, приятно мало. — Чарли уселась к Тому на колени и нежно к нему прильнула, обхватив рукой за шею. — Не грусти.

Он положил руку жене на живот:

— Думаешь, иглоукалывание поможет?

Она пожала плечами:

— Врач считает, что есть смысл продолжать лечение.

— Еще бы он так не считал, получая по тридцать фунтов стерлингов за сеанс.

Чарли посмотрела на чистые, тщательно отполированные ногти мужа. Том всегда очень заботился о своей внешности. Даже когда у них совсем не было денег, ему удавалось выглядеть щеголем. Она украдкой бросила взгляд на собственные обкусанные ногти, в очередной раз дав себе слово избавиться от этой дурной привычки. Том вечно ворчал по поводу ее ногтей, особенно если был не в духе.

Том отстранился от нее:

— Господи, да ты вся промокла!

— Синоптики обещали, что день будет солнечным.
— Тебе не следует ездить на велосипеде.
— Да это так, для развлечения. И для фигуры очень полезно.

— Фигура у тебя и без того прекрасная. Вовсе ни к чему колесить по Лондону на велосипеде.

Сердце Чарли тревожно сжалось, когда он рывком открыл ящик стола, вытащил книгу под названием «Бесплодие и его причины» и постучал по обложке:

— Здесь вот говорится, что переизбыток физических упражнений мешает зачатию. Они как бы иссушают все внутри. Я бы вообще исключил подобные нагрузки, если тебе, конечно, интересно мое мнение.

«Пожалуйста, давай не будем сегодня скандалить», — мысленно взмолилась Чарли, вставая. Она прошлась по комнате, рассматривая книжные полки, игрушечную машинку «феррари», которую сама подарила мужу на Рождество, пособие по игре в гольф. Взяв кубик Рубика, слегка крутанула его — пыль так и полетела во все стороны.

— Кстати, ты не обсуждала это с врачом, который делает тебе иглоукалывание?

За окном прошумела машина. Грани кубика поворачивались с мягким хрустом.

— Нет. По-моему, он очень странный. Выдвигает порой какие-то совершенно безумные теории, — сказала Чарли.

— Совсем как ты.

— Когда это я выдвигала безумные теории?

— А как насчет шоковой терапии? Ты еще ходила туда с Лорой. Как эта методика называется? «Второе рождение», что ли?

— А что, очень даже неплохая методика.

— Ага, замечательная. Один сеанс «второго рождения» — и никакого секса на пару месяцев. — Он покачал свой бокал, дребезжа льдом. — Ты разве не в курсе, что, не трахаясь, нельзя ведь сделать ребенка?

Чарли молчала.

— Тебе надо продолжить сеансы ретрогипноза, о котором ты в последнее время постоянно твердишь. Возможно, ты обнаружишь, что в прошлой жизни была монахиней.

— А вот Лора считает...

— Мне неинтересно, что считает Лора. — Он отхлебнул немного джина. — Неужели ты обсуждаешь нашу сексуальную жизнь с подругами?

На одной стороне выстроились три желтых квадрата. Она снова покрутила кубик.

— А ты разве не говоришь об этом с приятелями?

— Да мне и обсуждать-то нечего. У нас с тобой теперь одни научные эксперименты и никакой сексуальной жизни. Вот ответ: когда ты в последний раз *наслаждалась* сексом?

Она поставила кубик обратно на полку, подошла к мужу и снова поцеловала его:

— Ну не будь таким, Том. Я всегда наслаждаюсь и чувствую себя так, как будто, — она прикусила губу, — это в последний раз.

Голос Тома смягчился:

— Дорогая, врачи утверждают, что ты не беременела раньше, поскольку слишком много и напряженно работала. Поэтому ты и уволилась со службы. Но никто не говорил, что тебе надо отказаться от секса. — Он стиснул ее руку и переменял тему: — Слушай,

я тут присмотрел один очень симпатичный дом. И сегодня как раз выяснил подробности.

Муж щелчком распахнул папку с пачкой бумаг от агентов по продаже недвижимости. Когда Чарли увидела в середине цветную фотографию, ей почудилось что-то знакомое, но ощущение было мимолетным, как тень, и тут же исчезло. Снимок оказался нечетким, к тому же здание частично скрывали заросли кустарника. Это был большой дом в стиле Тюдоров. Нижняя половина — из красного кирпича, а верхняя оштукатурена. Вдоль стены фасада тянулись небольшие, разделенные вертикальными перегородками окна, а венчала все высокая крутая крыша, нависшая над особняком, словно чересчур большая шляпа. В целом дом выглядел усталым, запущенным и довольно-таки унылым.

Чарли прочитала описание: «ЭЛМВУД-МИЛЛ, ЭЛМВУД, ГРАФСТВО СУССЕКС. Очаровательный дом в очень уединенном месте, с надворными постройками, старинной водяной мельницей XV века и большим кирпичным амбаром. Усадьба нуждается в некоторой модернизации. Площадь — около трех акров».

— Я думаю, что я... что мне... — начала Чарли и замолчала.

— В чем дело? — напрягся Том. — Тебя что-то смущает?

Она покачала головой:

— Нет, ничего. Просто... мне показалось, что я узнала этот дом.

— Он тебе нравится?

— Да, очень симпатичный. — Чарли просмотрела бумаги. — Но здесь ничего не говорится о цене — небось стоит запредельных денег.

— Я уже звонил в агентство. — Том торжествующе улыбался. — Они просят двести пятьдесят тысяч, но сказали, что торг уместен. Постараюсь сбить цену до двухсот двадцати пяти.

— Думаешь, это возможно?

— Конечно, за такую развалюху им никто больше не даст.

— Ну, тогда у нас хватит денег! — радостно завизжала она, и Тома неожиданно тронули радость и энтузиазм жены: в ней словно бы заговорила надежда.

Капелька дождевой воды упала на щеку Тома, но он этого не заметил. Даже промокшая насквозь, Чарли для него пахла замечательно. От нее всегда исходил чудесный аромат, и еще было в ней что-то такое, что сразу привлекло его: обаяние девчонки-сорванца — очаровательная мордашка и бесконечные проказы. Тонкая, но сильная, Чарли выглядела в мини-юбке, да и в джинсах тоже, просто сногшибательно и всегда казалась Тому необычайно желанной. С момента самой первой встречи между ними сразу возникло взаимное притяжение.

Он прекрасно понимал, что ему следовало быть терпеливым и понимающим, сочувствующим и заботливым мужем, однако негодовал из-за того, что Чарли никак не могла забеременеть, хотя в этом, возможно, был отчасти виноват и сам. В конце концов они решили перебраться в сельскую местность. Уехать из Лондона, подальше от вечного смога и суеты. На природе все должно было измениться к лучшему.

— Я договорился встретиться с агентом завтра. Не стоит затягивать. Кажется, кто-то еще проявляет интерес к этому дому, — сказал Том. — В три часа. Хорошо?

Она кивнула и посмотрела на фотографию. Ощущение узнавания вернулось к ней.

— Ты покормил Бена? — спросила она.

— Угу.

— А Горация?

— Черт, забыл.

— Ты всегда забываешь о Горации.

— Так научи Горация лаять, чтобы он сам напоминал о себе. — Том зевнул и закрыл папку. — Мне надо еще поработать.

— Тебе понравилась пицца?

— Угу. — Он уже углубился в документы.

Чарли спустилась на первый этаж. Бен обогнал ее и бросился к входной двери.

— Извини, малыш, но я не собираюсь выходить на улицу в такой дождь. Я хочу принять горячую ванну. Ты сам можешь сбежать в сад. — Она прошла на кухню и открыла заднюю дверь. — Давай, вперед!

Усевшись на пороге, Бен по-стариковски вздохнул.

— Господи, ну ты и лентяй! — Чарли подошла к кухонному шкафу. — Эй, Гораций, уж ты-то не боишься промокнуть, правда? — Она прижалась лицом к стеклянному шару. Очаровательная золотая рыбка подплыла поближе и, широко разевая рот, уставилась на нее, словно увидела нечто невообразимое. — Как делишки? — Она открыла кормушку. — Полагаю, ты не будешь возражать против переезда в деревню, Гораций? Небось, и тебе чертовски надоел этот шумный Лондон, а?

Она бросила в аквариум щепотку корма, рассеявшегося по воде, как дождевое облачко от ветра. Рыбка неторопливо поднялась на поверхность и сделала первый ленивый глоток.

Элмвуд-Милл. Что-то забрезжило в глубине ее памяти. Словно чье-то забытое имя всплыло оттуда, вертясь на кончике языка и дразня, а потом ускользнуло.

Чарли поднялась в ванную. Когда она, повернув краны, пустила воду, то ее по какой-то непонятной причине вдруг охватил страх.

З

Усадьба находилась у озера, в конце узкой дорожки около мили в длину, спускавшейся по склону. По пути им попалось только три дома, последний — более чем в полумиле от конечной цели путешествия. Сквозь деревья, за обваливающейся кирпичной стеной, верх которой был утыкан битым стеклом, Чарли увидела зелено-белый дом. Солнечные лучи сверкали через перекладины трухлявых деревянных ворот.

Встреча с агентом была назначена на три. А часы в автомобиле показывали без четверти четыре.

— Этот хмырь, должно быть, уже смылся, — сказал Том.

Чарли выпустила Бена наружу. Песик неуклюже побежал, отряхнулся, подпрыгнул и задрал лапу у стены. Ее любимцу было восемь месяцев от роду, совсем еще щенок. Они приобрели его, когда Чарли уволилась с работы.

В машине было шумно от работающего мотора. Чарли потянулась, пытаясь стряхнуть с себя сонливость, и мысленно попеняла Тому за то, что он поднял ее так поздно. Вечно что-нибудь не слава богу. Уже больше года они пытаются найти подходящий дом, но всякий раз им не везет. То комнаты слишком малы, то

соседи живут чересчур близко, то вдруг появляются другие покупатели — и цена мигом взлетает. Они столько раз уже начинали все сначала, что научились не питать напрасных иллюзий.

Черные тучи, подобно паровозам, маневрировали по голубому небу. Пышная от долгих проливных дождей листва трепетала на ветру, и волосы женщины тоже развевались под его порывами. Мокрая трава блестела под ослепительным солнцем. В туфельки Чарли просачивалась влага.

Окруженное деревьями, вдаваясь причудливыми изгибами в берега, раскинулось озеро. Прямо перед ними на островке травы, под прибитой гвоздями к дереву поблекшей доской с надписью «Частная собственность. Рыбная ловля запрещена. Только для членов клуба», валялся какой-то одинокий перевернутый вверх дном ялик. Сразу за доской можно было разглядеть металлический пешеходный мостик, перекинутый через запруду, и тропку, ведущую вверх, в рощицу.

Над головой пролетела стайка скворцов. Чарли почувствовала холодное дуновение ветра, скорее мартовского, чем июньского, и крепко обхватила себя руками. Она услышала треск ветвей, карканье вороны, похожее на скрежет пилы, рев воды в запруде. Эти звуки только подчеркивали непривычную после лондонской суматохи тишину. Было странно не слышать шума уличного движения и людских голосов.

Когда Том распахнул калитку, раздался резкий лязг металла, и болт проскреб по гравию подъездной дорожки. Глядя на мужа, Чарли подумала, что они, наверное, смотрятся довольно странно. После заседания

суда он не переоделся: щеголял в костюме в тонкую полоску и модном плаще. На самой Чарли были джинсы и мешковатый пуловер, а сверху яркая куртка.

Сердце ее запырвало, когда она разглядела широкую подъездную дорожку и несколько строений, приютившихся ярдах в ста от них, в ложбине между мшистыми берегами. Вот он, этот дом, совсем не такой, как на фотографии; а вот кирпичный амбар и полуразвалившаяся деревянная водяная мельница.

И никаких признаков жизни внутри, окна дома наглухо зашторены. Вода, падая из запруды в шлюзовой пруд с кирпичными стенками, сначала сердито пенилась вокруг неподвижного колеса, а потом стремительным узким потоком проскальзывала по саду, под украшенным резьбой деревянным мостиком, мимо амбара и еще дальше — на участок для выгула скота.

Чарли разволновалась, хотя дом оказался меньше, чем она представляла, да и состояние его было хуже. Тени собирались на неровной крыше, когда ветер пробежал по деревьям, и казалось, что вытянутое в форме буквы «Г» одноэтажное здание в любой момент может обрушиться на сарай для угля и пустую бочку, стоявшие позади дома, среди буйно разросшейся крапивы. Вдруг Чарли насторожилась.

Ей показалось, будто бы здесь чего-то не хватает.

Она внимательно огляделась, то и дело подмечая новые детали. Вот ванночка для птиц, тачка, курятник... Два дуба, с корнем вырванные ураганом, лежали, прислонившись друг к другу, на передней лужайке, и их ветви переплетались, словно тела погибших в схватке динозавров.

Чарли сообразила, что ложбина была речной долиной, до того как река образовала это небольшое озеро.

Джеймс П.

Д 40 Призраки прошлого : роман / Питер Джеймс ; пер. с англ. Б. Дмитриева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17364-4

В надежде на счастливые перемены бездетные супруги решают перебраться из шумного Лондона в уединенную усадьбу на берегу озера. Впечатлительной Чарли, которая посещает сеансы гипноза, кажется, что она уже бывала в этом доме. Может, это было в прошлой жизни? Но покупка дома не приносит счастья. Не успели Чарли и ее муж Том переступить порог, как начинают происходить невероятные, сверхъестественные, зловещие события. Образы, которые видит Чарли во время гипноза, врываются в настоящее. Видения, запахи, ощущения преследуют ее на каждом шагу. Она понимает, что это не игра подсознания, и ее догадку подтверждает таинственная находка в форме сердца, обретенная будто по чьей-то подсказке. В этой идиллической усадьбе словно живет неведомое зло: кто-то ненавидит Чарли и жаждет мщения...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ПИТЕР ДЖЕЙМС
ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.10.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,33.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-25883-01-R